

Виктор Кротов

В гостях у незнаемого

Сказка с размышлениями

Виктор Кротов

**В гостях у незнаемого.
Сказка с размышлениями**

«Издательские решения»

Кротов В. Г.

В гостях у незнаемого. Сказка с размышлениями / В. Г. Кротов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507525-3

Необычная книга, выходящая за рамки всех привычных жанров, повествует о явлениях, с которыми человек может встретиться после смертного перехода. Это одновременно и мистическое свидетельство о посмертии, и приключенческая повесть для любителей фантастики, и вызов для думающей молодёжи, и своего рода философская утопия. Книга христианская, но в ней нет ни ангелов, ни дьяволов, зато много другого: интересного и неожиданного.

ISBN 978-5-00-507525-3

© Кротов В. Г.
© Издательские решения

Содержание

Спасибо!	6
Часть первая. Поручение	7
Глава 1. Из зимы в лето за ноль секунд	7
Надоевшая слякоть	7
Перетряхивание обычного	7
С этого света на тот	8
Встречательница	8
Разговоры вслух и не вслух	9
Пойдём прогуляемся	10
Технические вопросы	11
Что здесь есть и чего нет	12
Полезное удовольствие	14
Знаемое и незнаемое	15
Иномирье	16
Глава 2. Почему или зачем	18
Как бы это всё увязать...	18
Прогулка без устали	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

В гостях у незнаемого

Сказка с размышлениями

Виктор Гаврилович Кротов

© Виктор Гаврилович Кротов, 2019

ISBN 978-5-0050-7525-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасибо!

Хочется выразить благодарность моим близким, участвующим самой своей жизнью во всём, что мне удаётся сделать.

А ещё – моим *доброчитам* – первым читателям, которые помогли мне многое понять и кое-что улучшить в написанном. Особенно Татьяне Соловьёвой, благодаря которой мне удалось подробно проследить читательский путь от главы к главе и исправить немало неточностей в тексте каждой из них.

Часть первая. Поручение

Глава 1. Из зимы в лето за ноль секунд

Надоевшая слякоть

Точно помню, как вышел из дома в магазин, за хлебом. Так не хотелось отрываться от своей сочинительской писанины!..

Но без хлеба тоже нельзя, да ещё творог закончился, и овсянка, и ещё что-то там есть в списке, который Машенька написала... Она у нас заведует готовкой (и ещё многим другим), а я доставкой (и тоже ещё немало чем).

И вообще, надо шевелиться время от времени. Не всё же пишушим сиднем сидеть. Поэтому и спускаюсь с нашего тринадцатого этажа пешком, а не на лифте. И поднимаюсь пешком, если сумка не слишком тяжёлая. Ведь по дворам от подъезда до магазина – всего-то метров сто с небольшим: маловато для борьбы с гиподинамией.

Маловато, кстати, и для освежения взгляда на мир. Для того, чтобы как-то взворошить чуткость к неброским чудесам окружения. Без такой чуткости всё вокруг может превратиться в надоедливую слякотную обыденность...

На улице, впрочем, оказалось и в самом деле пасмурно, слякотно и уныло, так что правильно мне не хотелось выходить. Ох, погода!.. Февральская зима к завершению движется, а весной и не пахнет.

Что-то моросило – и тут же замерзло. Даже борода была в какой-то снежно-ледяной крошке, будто мне своей седины не хватало. Под ногами хлюпало нечто невразумительно жидкое и скользкое. Пару раз поскользнулся изрядно. Но удержался на ногах.

Какая-то встречная тётя в бордовом пальто, глядя на мои пируэты, сочувственно вздохнула и посоветовала:

– Осторожно, не упадите! Мало ли что...

Будто у меня вот прямо на лице было написано намерение упасть. Нет, уважаемая, нет у меня такого намерения. И, словно в ответ на эту мысль, женщина с недоверчивой обеспокоенностью покачала головой.

А вот дальше...

Перетряхивание обычного

Внезапно, в какое-то неуловимое мгновение я вдруг и впрямь грохнулся в это слякотное месиво... Но это если со стороны описывать: упал, грохнулся... А изнутри – всё в голове разом перетряхнулось!.. Словно мир вокруг меня мгновенно оказался совсем другим. Верх и низ не то чтобы поменялись местами, а схлопнулись друг с другом до неразличимости.

Жидко-снежная слякоть расстилалась возле самых глаз и выглядела совсем иначе, тем более что очки куда-то отлетели... Тело оказалось не только горизонтальным и распластанным, но ещё и словно разобранным на самостоятельные элементы...

Когда-то, в конном походе, мы выехали без сёдел на побережье озера купать лошадей, а мой своенравный Прыгун заупрямился и взвился так, что я оказался на земле. Время невероятно замедлилось, и я терпеливо наблюдал, как опускается его копыто: то ли на мою голову,

то ли рядом. Оказалось, что всё-таки рядом, после чего время пошло обычно. Даже удалось сесть на коня снова и вместе с ним искупаться.

Но сейчас никакого времени не было – ни обычного, ни замедленного. Всё перетряхнулось и замерло.

На этом тамошняя моя память прерывается – и начинается тутошняя...

С этого света на тот

А тут (пока не знаю, как это назвать) – совершенно другая окружающая картина... Всё в голове перетряхнулось ещё раз!.. Что это? Как это?..

Неужели я прямо так, сразу, – и на том свете? Вернее, я уже должен называть его *этим*, поскольку я же здесь, а не там, где только что был.

Но если я на том свете, почему не было всяких сопутствующих событий: боли, умирания, тёмного тоннеля, по которому душа уносится к свету? Где вообще всё, о чём рассказывали редкие люди, возвращавшиеся из такого любопытного путешествия обратно?..

Ни зимы, ни слякотной дорожки, ни тёти в бордовом пальто, да и вообще всё привычное окружение исчезло. По-весеннему сочная зелень, трава-мурава, цветень всякая... Растения вокруг разные, есть и вовсе незнакомые...

Хоть я и не поднимался после своего падения, но сижу, оказывается, а не лежу. И странно себя ощущаю: молодой, безбородый, безусый, вполне летняя одежда на мне; чувствую себя на удивление легко и бодро – будто мне лет семнадцать... Что ж, если бы мне предложили любой возраст себе выбрать, я примерно такой бы и выбрал, наверное.

Сижу без очков. Ну да, они свалились при падении... Но вижу-то я всё очень-очень чётко, как и в очках не видел. А ведь со второго класса их носил, не снимая...

...Здесь было чудесно. Царила та тишина, которая ошеломляет и приветствует закоренелого горожанина, выбравшегося на природу. Тишина, полная жизни – лёгких шорохов, доносящихся отовсюду головокружительных запахов, птичьего пения и стрёкота кузнечиков. Луг, опушка леса, умиротворяющее журчание ручья где-то неподалёку...

Чудесно чувствовать себя молодым, здоровым, да ещё хорошо видящим, остро ощущающим, полным какой-то летучей энергии...

Всё это было неожиданно, замечательно, но очень уж непонятно... Хотя есть одно объяснение. Может, это такая виртуальная сказка, в которую я вдруг попал в результате загадочных игр собственного сознания? Сочинял, сочинял сказки, вот и досочинялся...

Встречательница

Потом появилась Ми. Вернее, сначала прозвучала приятной нотой у меня в голове. Хотя музыкального слуха у меня отродясь не было, я почему-то точно знал, что это нота «ми». И раздалась она как раз в то время, как из леса вышла девушка приятной наружности. По возрасту – примерно моя ровесница. Моя – в смысле меня-тутошнего, то есть лет по семнадцать нам было.

Лес казался довольно густым, но она вышла из чащи легко, словно он специально расступался, чтобы дать ей дорогу. Правда, меня больше занимал мой внезапно образовавшийся музыкальный слух. Я даже пропел:

– Ми-и-и...

Девушка улыбнулась и утвердительно кивнула головой:

– Да, я Ми, будем знакомы. А ты, наверное, Ви. Можно тебя так называть?

– А вы... ты... – кто?.. Кроме имени?.. – постарался я уточнить её амплуа, не обращая внимания на то, что моё имя оказалось урезанным до какой-то несуществующей ноты.

– Имя ты уже знаешь. Пришла к тебе, потому что я твоя встречательница и проводительница.

– И что? – настаивал я. – Откуда встречательница? Куда проводительница? Или это должность такая? И почему персонально моя? И где мы вообще?..

Ми гостеприимно повела рукой:

– Можем сесть, побеседовать. Постепенно всё непонятное объясню. – И грациозно присела на бугорок неподалёку, плотно поросший густой травой.

Я сидел на таком же бугорке и чувствовал себя вполне комфортно. Особенно после слякотной дорожки к магазину и ошеломляющей депортации с того света на этот. Или всё-таки наоборот: с этого на тот?..

– Конечно, на этот. Мы же здесь, а не там, – подтвердила Ми мою невысказанную мысль и продолжила бодрым экскурсоводческим тоном: – Посмотрите направо. Посмотрите налево. Перед вами – то есть перед тобой – прекрасное место, где можно отдохнуть от неприятной погоды и узнать много необычного. Чтобы узнавать было легче, к тебе прикомандирована самобытная представительница этого мира, знающая, куда и как попасть, чтобы познакомиться с теми или иными достопримечательностями... Фууух, не хочу больше быть экскурсоводом. Лучше проводительницей, как я с самого начала и придумала.

Она умолкла, но в голове у меня прозвучало: «Теперь можно спрашивать».

«Так... – подумал я. – Ещё и телепатия тут используется».

– Ну и что? – пожала плечами встречательница-проводительница. – Обычное общение: типа «то, что сердце сердцу говорит в немом привете». Ты тоже так можешь... Будешь спрашивать-то?

– Буду! – решительно заявил я. – Где мы находимся? Как это место называется?

Разговоры вслух и не вслух

– Отвечаю на второй вопрос, – объявила Ми. – Названий у этого места много. Если перечислять все, только путаница будет. Поэтому перейдём к первому вопросу. Как ты сам-то думаешь: где?

– На том свете! – выпалил я.

– Да, такое название тоже годится, но только если ты там, в земном мире. А если уже здесь, то «тот свет» оказывается этим – и начинается неразбериха. Лучше называть этот «тот свет» иномирьем. Так что приветствую тебя с прибытием в иномирье. Хотя иномирье очень просторное и очень разное. Мы находимся в одном из его миров. Уверена, что в основном, но на этот счёт есть разные мнения. С его названием сложнее. Что тебе самому на ум пришло, когда ты здесь себя обнаружил?

Я постарался припомнить:

– Так... Сначала – что на том свете... Потом – что в сказке...

– Ну да, ты ведь сказочник... – понимающе откликнулась Ми.

«Видно, она знает обо мне больше, чем могло показаться», – подумал я, и Ми откровенно и бессловесно подтвердила: «Должна же я была подготовиться к встрече», – а вслух продолжала:

– Наверное, для тебя это самое подходящее сравнение. А название для этой сказки можешь и сам придумать. Их уже столько напридумали... Может, твоё окажется особенно подходящим. Мы тут обычно говорим просто «Сад». Но прежде чем что-то придумывать, тебе надо же сначала сориентироваться здесь как следует, правда?

– А ты здесь, чтобы меня сориентировать?

Ми подумала и сказала:

– Чтобы *помочь* тебе ориентироваться. Ты ведь сам должен понять для себя: что, где и как.

Дальше наш разговор почему-то пошёл молча. Выглядело это примерно так:

«И ты мне – на мои вопросы – прямо вот все тайны откроешь?..»

«Ну, раз мечтался!.. Во-первых, многое ты пока и не сумеешь уловить...»

«Ты что – вот так заранее знаешь, что не сумею?»

«Прости. Это я по себе сужу. У меня сначала не очень-то получалось разобраться, да и сейчас мне больше неизвестно, чем известно... Так что насчёт того, чтобы все тайны открыть – это я не сумею. А что сама знаю – всё расскажу, если спросишь. Но всё равно это капля в море... Да и не в море, а в океане».

«Но спрашивать-то обо всём можно?»

«Ну да, почему бы и нет».

Любопытное дело телепатия... Но всё-таки вслух приятнее разговаривать: получается естественнее и выразительнее. Можно обдумать, нужное слово подобрать. А поскольку я писатель, мне письменная речь ещё больше нравится. Она к настоящей выразительности ведёт, только поискать её приходится.

Но всё это я как-то глубоко в себе подумал, так что Ми и не услышала. Значит, телепатия не всё во мне прощупывает...

От неё пришла мысль в продолжение нашего бессловесного разговора:

«Видишь, как у тебя здорово получается без слов общаться!».

«Но ты всё-таки не очень в мысли вторгайся, – подумал я в ответ. – Дай мне и самому сформулировать».

– Извини, пожалуйста, – кротко ответила Ми вслух. – Увлёклась демонстрацией телепатии.

«Да, такой устно-мысленный пинг-понг очень даже бодрит, – подумал я. – Только трудно отделить то, что думается, от того, что готов сказать...».

Я взглянул на собеседницу в ожидании комментария к моим мыслям, но ничего такого не произошло. Она сидела, нежно поглаживая кузнечика, заскочившего к ней на ладонь. Наверное, разговаривала с ним, почему бы и нет. Телепатия...

Вторгнуться в её мысли я не пытался. Наверное, я всё-таки гораздо старше этой девчонки, так что надо подавать ей пример деликатности.

Тут Ми залилась беспричинным смехом. Кузнечик соскочил с её руки и исчез в траве. Она энергично чесала ладонь об коленку и, не переставая смеяться, пожаловалась:

– Он мне всю ладонь ищекотал...

Пойдём прогуляемся

Вдруг Ми вскочила и позвала:

– Что это мы с тобой так чинно сидим? Пойдём, прогуляемся.

Я не возражал, и она пошла по лесу вперёд, показывая направление, поскольку ни дорожек, ни тропинок нигде не наблюдалось. Поначалу я застыл, замороженный удивительным зрелищем. Она уверенно шла туда, куда хотела, без напряжения огибая любое дерево или куст на своём пути, а деревья и кусты, даже если росли густо, помогали ей в этом, слегка отклоняя

стволы или отодвигая ветви. Это было похоже на плавный пластический танец или пантомиму, полную неслышимой, но зримой музыки.

Шагнув вслед, и я оказался вовлечён в этот танцевальный путь по несуществующей тропинке. А деревья и кусты терпеливо поджидали, пока мы оба пройдем рядом с ними, чтобы затем занять прежнее своё положение...

Мы никуда не торопились, на ходу продолжая беседовать. Оказалось, что вполне можно совмещать разговор вслух с мысленным общением, не залезая глубже, чем хочет собеседник. Так что без особой надобности не буду дальше подчёркивать различие этих форм беседы. Общение и есть общение.

– Так, вот ещё вопрос: почему я здесь оказался подростком? Где мои шестьдесят с лишним лет?

– А я бы сказала – скорее юношей. Ответ проще некуда: потому что ты сам выбрал бы себе этот возраст. Разве нет?.. Захочешь – можно это дело изменить. Здесь всякое возможно.

Ми остановилась и удивлённо окинула меня взглядом:

– Тебе что, не хочется побыть молодым? Неужели это хуже, чем быть пожилым бородастым мужиком?

– Нет, – отреагировал я, не задумываясь. – Так мне намного лучше. Я прямо как новенький. А весь жизненный багаж в голове вроде бы сохранился. Прямо волшебство какое-то.

– Вот и радуйся... – И добавила, подумав: – Не волшебство, а чудо.

Технические вопросы

Постепенно я входил в азарт спрашивания, хотя наиболее серьёзных вопросов пока избегал. Хотелось сначала самому обдумать свои догадки.

– Скажи, Ми, а здесь человеку нужен сон?

– Вообще-то нет. Но если хочется подремать-поразмышлять-помедитировать, то вполне получается.

– А ночь здесь бывает?

– Бывает, хотя не так часто, как на Земле. Не регулярно и не подолгу. И такой тьмы, что хоть глаз выколи, не бывает... Кстати, ты видишь солнце?

– Ну да. Оно немного другое: на него спокойно смотреть можно, сколько угодно.

– Наблюдательный, это хорошо. Когда я попала сюда, сначала многого не замечала. Здесь небо совсем другое, чем в земной жизни. Новое небо и новая земля... Ещё много нового увидишь.

– Интересно... – подыскивал я формулировку. – Ты девушка, потому что я парень? А если бы на моём месте была девушка?.. Наверное, ты была бы парнем, так ведь?

– Да уж парнем точно не была бы, – с изрядной долей иронии заявила Ми. – Станный подход: кто тут на чьём месте. Может быть, кому другому поручили бы встречу. А может, и мне. Ты уж тоже: будь, пожалуйста, на своём месте. Думаю, и ты вряд ли мечтал бы появиться здесь женщиной? Что тут, маскарад, что ли?..

Почему-то я вспомнил, как мы с двоюродным братом однажды на карнавале в пионерлагере переоделись девчатами. Так мы и остались запечатлёнными в этом нелепом виде на желтевшей фотографии... И с удовольствием сменил тему.

– А нужна ли здешним обитателям еда? Тебе вот, например?..

– Так чтобы обязательно – не нужна. Но если захочется, можно, например, яблочка ответить... Нет, яблоком угощать не буду, всякие мысли тебе на ум придут, а вот этим... не знаю даже, как называется...

Ми запустила руку в густую крону невысокого деревца и протянула мне один из двух извлечённых оттуда небольших плодов.

– Не бойся, это не древо познания добра и зла. Просто очень вкусно. – И сама с удовольствием откусила кусочек.

Продегустировал безымянный плод и я. Потрясающе вкусный! Может быть, ещё и потому, что во рту у меня не было ставших привычными протезов. Были нормальные зубы и нёбо, чуткое ко всем оттенкам вкусовых ощущений...

– Спасибо, Ми. Здорово!.. Ты тоже уже доела? Тогда ещё один технический вопрос. Если всё-таки порою питаться, то как... – я замялся.

– Никаких «кака» и «пипи», – засмеялась Ми. – Здесь совершенно другой метаболизм организма, если по-земному объяснять.

Да, это было убедительно... «Другим метаболизмом организма» я был сражён наповал.

Ми тоже была чем-то удивлена и спросила, в свою очередь:

– Слушай, откуда столько внимания к таким второстепенным вопросам? К техническим, как ты говоришь.

– Прости, это профессиональное любопытство. У писателей тоже свой метаболизм, не удивляйся. Им нужна убедительность, а она во многом складывается из мелочей.

И всё же я решил ещё поспрашивать. Технические вопросы, не технические, но надо же узнать разные подробности. Тем более что я и оглядываться не забывал.

– Вот ещё вопрос, Ми: где же люди? Где здешние обитатели? Их же должно быть очень немало, если я правильно понимаю, куда попал...

– Обитателей у нас здесь много. Только нет ни толп, ни компаний. Каждый самобытен, каждому есть чем заняться по своему призванию. Когда хочется пообщаться с кем-то, и он откликнется – встретиться нетрудно.

– Хорошо, что толп нет, я сам их не люблю. Но дружеские компании чем виноваты?..

– В толпе человек перестаёт быть самим собой. И в компании тоже. Даже в самой лучшей. Разве нет?

– Ну, не во всём же он изменяется...

– Не во всём. Но если что-то главное в нём тускнеет и вытесняется настроением толпы или компании, это же печально. Вот мы, здешние, и помним об этом.

Что здесь есть и чего нет

Не зря мы пошли прогуляться. Разговор не мешал мне озираясь по сторонам, удивляться и радоваться замеченному. Поляна, опушка леса, луг, ручей, а то и речушка, озеро или холм – всё было каким-то родным и вместе с тем необычным. Будто я не раз уже бывал в этих местах – и будто никогда не видал такого!.. Словно я шёл через луг и перелески к деревне, где живут родители.

Всё было... какое бы слово подобрать... первозданным... и вневременным... Среди берёз и елей встречались пальмы и кедры. В траве виднелись искры земляники, а на кустах висели сочные малинины. Цвела магнолия, а неподалёку красовались щедрые грозди сирени разных оттенков. Летали боярышницы и крапивницы, а среди них – и феерические бабочки тропиков, знакомые мне лишь по музеям и картинкам.

И никакого человеческого мусора: ни бумажки, ни окурка, ни брошенной бутылки...

На время забыв о вопросах, я то ли прошептал, то ли подумал:

– Природа здесь какая-то... такая... настоящая...

– Ещё какая настоящая!.. А ещё дружелюбная. Как здесь к ней относятся, так и она. Когда я здесь оказалась, была просто очарована этим... Впрочем, у растений и у всего остального здесь тоже другая, чем на Земле, природа существования.

– Ага, другой метаболизм! – подхватил я.

Но Ми только улыбнулась.

– Интересно, означает ли это, что птицы тут не питаются червяками и мошками?

– Никто никем не питается, – подтвердила Ми. – Нет необходимости, нет потребности, нет земных инстинктов, побуждающих к этому.

– А есть ли здесь какие-нибудь домашние животные? Домов-то, как я понимаю, нет?

– Дома встречаются, но не такие, к которым привыкли на Земле, ещё увидишь... Людям они здесь редко нужны, а животным тем более. Но ты, наверное, о любимых животных спрашиваешь, а не просто о домашних? Любимых здесь немало.

– Как же они сюда попадают?

– Любимцев своих, если они земной путь тоже закончили, человек в душе своей приносит. Сам постепенно убедишься...

Поколебавшись, Ми добавила:

– Я сама по жизни как-то не очень была привязчива к животным, поэтому никого из них с собой не принесла. Зато здесь любимцы становятся всеобщими, и радость от них достаётся каждому. Тем более что общаться с ними куда легче, чем на Земле.

«Ну да, конечно, – подумал я, – ведь возможна телепатия!...». Ми в ответ кивнула.

– Может, ты сама тогда признаешься, что здесь ещё есть и чего нету? – спросил я и тут же сообразил, что вопрос получился какой-то безразмерный.

Однако он не смутил мою спутницу.

– Всё, что здесь есть, я тебе не перечислю, да и вряд ли ты на это рассчитывал. А вот о том, чего здесь нет, кое-что важное скажу... Если не только о предметах и существах говорить, то здесь нет злобы и ненависти.

– Это запрещено?

– Никакие запреты не нужны. Просто злоба и ненависть здесь не помещаются. Не запрещены, а лишены смысла, которым здесь всё наполнено. Вот и не помещаются.

– А ещё?

– Машин нет, телевизоров и всяких гаджетов... Вообще никакой техники нет. Она здесь ни к чему, эта научно-механическая магия...

– Почему магия?

– Конечно, магия. Это когда стараются использовать в своих сомнительных целях таинственные силы мироустройства... Магию наш Сад тоже не вместит... Сообществ никаких нет, но это мы уже обсуждали.

– Неужели они здесь совсем не образуются? Людям свойственно кучковаться.

– Так я же говорю: не помещается здесь кучкование. Нет смысла. С любым человеком интереснее наедине пообщаться.

– Ты так уверена?

– Ещё на Земле успела в этом увериться. Когда научилась общаться по-настоящему.

– Интересно, как это по-настоящему?

– Когда твоя душа навстречу к этому человеку, а его – к тебе.

– Как у нас с тобой сейчас, что ли?

– Примерно так. Получше познакомимся – ещё интереснее будет. В компании всё это дробится и перемалывается... Если вообще случается.

Надо же, какая мудрая девчонка... Надо будет ещё подумать об этом. А пока – скорее ещё вопрос, пока помню:

– Вот ты говоришь «наш Сад»... Чей это ваш? Что ты имела в виду?

– Наш... общий... Сейчас и твой тоже. Мы здесь все вместе, хотя и не толпимся. Все, не только люди. Ну вот, например...

Ми посмотрела на небо, где плавали несколько облачков, и помахала рукой куда-то вверх. Вдруг одно облачко нырнуло вниз, в нашу сторону, и вскоре приземлилось рядом. И Ми... погладила его рукой, как погладила бы овечку или собачку:

– Привет, моё хорошее. Рада с тобой пообщаться. Ви, наверное, тоже будет рад, когда очухается.

Видно, я и впрямь выглядел несколько ошарашенно. Но быстро спохватился:

– Ага, уже очухался. Уже рад, – и тоже протянул руку погладить облако.

Оно был мягкое и нежное, но вполне осязаемое. Когда-то мне случилось находиться совсем рядом с облаком, замершим на вершине Ай-Петри, где я ночевал. Да и оно, казалось, прилегло отдохнуть. Но то облако было неосязаемым сгустком тумана, а это...

Потёршись около нас, облачко отправилось обратно на небо, а Ми, помахав ему вслед, спросила меня:

– Теперь видишь, какой у нас тут чудесный общий Сад?..

Я кивнул. Однако хотелось ещё уточнить про облачко.

– Как же ты его от остальных отличаешь?

– Люди тоже друг на друга похожи, а когда кто-то больше других тебе близок, его среди всех узнаешь. Хотя и другие облачка приходят пообщаться, если позвать. Это тоже приятно.

Полезное удовольствие

Тут я спохватился: не слишком ли увлёкся вопросами? И вежливо спросил:

– Ничего, что я столько вопросов задаю?

– Почему «ничего»? Замечательно! По-моему, вопрос – это когда что-то интересно и начинаешь думать об этом. Сначала думаешь вопросительно, а потом и ответительно. Если кто-то помочь может – тоже здорово. Хотя и самому отвечать очень полезно, так же как и спрашивать...

Тут мне почудился какой-то подвох.

– Мне тоже кажется, что спрашивать – это удовольствие. К тому же полезное, как и отвечать. Но ведь ты не будешь, Ми, все остальные ответы на меня самого перекладывать?..

Ми улыбнулась и отрицательно качнула головой:

– Постараюсь не перекладывать. Но бывают вопросы, на которые приходится отвечать самому.

– Это я понимаю...

Оглядываясь вокруг и перебирая всё необычное, что здесь увидел, я понимал, что вопросов явно больше, чем ответов. Но, может, Ми намекает, что мне предстоит остаться здесь надолго или даже навсегда, чтобы отвечать на них? Кстати, это вопрос, Ми. Ответишь?..

На мой мысленный вопрос Ми принялась отвечать вслух:

– Надолго... навсегда... – она словно пробовала слова на вкус. – Вернёшься в земной мир, когда надо будет. А по земному времени ты здесь вообще ни на сколько. Ты же сам писал об этом в своей книге про волшебный возок...

- Ну да... Мама Вагика оладьи не успела пожарить за время его долгого путешествия.
- И ветка вишни ещё не перестала качаться...
- Так то сказка...
- Ну и что же? Здесь тоже всё довольно сказочное.
- А мне почему-то кажется, что всё очень реальное – в смысле не придуманное.
- Конечно, ничего не придумано. Всё – создано. Ты же чувствуешь – Кем.

Ми умела говорить так, что было совершенно понятно, когда какое-то слово у неё с большой буквы...

Решился я и на следующий вопрос, но мне почему-то не хотелось произносить его словами. Ведь ты же его услышишь, Ми... Только ответь на него вслух, пожалуйста...

– Ты же сам просил не мешать тебе думать, – удивилась проводительница. – Но раз уж просишь, да ещё не забыл подумать о «пожалуйста», то отвечу. Вернее, ты сам уже ответил в уме... Да, когда-нибудь снова сюда попадёшь, уже навсегда. Хотя может статься, что не совсем вот прямо сюда. И это...

«...зависит от тебя». Сказала Ми это вслух, или мысленно, или я сам подумал, что она так скажет, – было неразлично.

И мы оба рассмеялись от этой неразличимости.

Знаемое и незнаемое

И всё же надо было понять ещё что-то главное, хотя пока я не знал, как об этом спросить. Может, так?..

Остановившись и прислонясь для уверенности к толстому баобабу (который слегка развернулся, чтобы нам с ним было удобнее), я спросил:

– Здесь, в Саду, и вправду словно в сказке. И о названии для этой сказки можно подумать. Но ведь ты говорила, это лишь часть иномирья. А иномирье в целом? У него есть название?

– Тоже по-разному можно называть... – не спешила Ми с ответом. – Когда я сюда попала (не сразу в Сад, кстати), для меня всё, с чем я встречалась, было просто Тайной... Но сейчас мне кажется, что точнее подходит слово «незнаемое»...

– Почему *незнаемое*, Ми?

– Потому что не только к иномирию относится, но и к Земле, и к космосу. Мы ведь не всё считаем Тайной, хотя, может, и стоило бы. То, что знаем (или думаем, что знаем), – это для нас знание. А то, что для нас неизвестно, загадочно, таинственно, не торопимся объявлять незнанием, потому что кое о чём всё-таки догадываемся. Так что *незнаемое* лучше подойдёт.

– ...И если догадки об этом *незнаемом* слышит тот, кто ценит только точное человеческое знание, он назовёт их сказками!..

– Вот именно. А *незнаемое* – это просто то, что относится не к *знаемому*, а к Тайне. Так что оба названия подходят, правда?

– Наверное, да. Мне это нравится. Получается, что сказка вовсе не обязательно должна быть выдумкой? Что в ней всё может происходить на самом деле?

– О, как сказочник обрадовался!.. Ну, всё-таки не совсем так, чтобы прямо на самом деле...

– А как тогда?

Ми задумалась. Наверное, слова искала. И вроде нашла:

– Сказка – это *догадка* о том, Как-на-самом-деле. Но догадываться ведь не значит знать. Вот и выходит, что сказка – это о *незнаемом*, о Тайне.

Не оглядываясь на дерево, к которому прислонился, я похлопал по его тёплой шершавой коре:

– Но ведь это дерево на самом деле. Вот оно, я его чувствую. Что же, если я про это расскажу, это будет сказка?

– А если вдруг сейчас проснёшься – и окажется, что это был только сон? И дерево пришло, и я со своими ответами... Начнёшь об этом рассказывать, и получится сказка.

Мне почему-то представилось, что я просыпаюсь, лёжа в снежной слякоти после падения, и, сладко потягиваясь, вспоминаю странное сновидение. Я хмыкнул.

– В сказке о просыпании как-то меньше смысла, чем в том, что я вижу, слышу и ощущаю сейчас.

– Ну да! – обрадовалась Ми. – Всё дело в смысле. Он может быть и в том, что кажется сказкой, и в том, про что думаешь, что оно знаемое.

– А как на самом деле?

– Чем больше смысла, тем ближе к тому, Как-на-самом-деле.

Ми сделала такой жест, будто это «Как-на-самом-деле» невидимо лежит у неё на ладони и закончила:

– Но всё это Тайна.

– Ты хочешь меня совсем запутать? – удивился я. – Получается, что и незнаемое Тайна, и даже знаемое?..

– Ну да, – в свою очередь удивилась Ми. – Знаемое – это только на поверхности, а чем глубже, тем больше Тайны. А незнаемое целиком наполнено Тайной... Как здесь, – и она торжественно обвела рукой всё вокруг, захватив своим жестом и меня с моим дружелюбным баобабом.

Иномирье

Пока всё, что объясняла Ми, было удивительно – и вместе с тем убедительно. Но ведь было что-то и кроме этого... Нет, мои расспросы не кончились.

– Послушай, Ми, вот ты говоришь об иномирье. Мне это словечко очень даже нравится. Но ты ещё сказала, что мы находимся в одном из миров этого иномирья. Но пока никаких других я не вижу...

– Ещё увидишь, – произнесла моя провожатая с какой-то загадочной грустинкой. – Много чего увидишь. Хотя и не всё.

– Почему же не всё? – спросил я из спортивного азарта. – Есть секретные области?

Тут Ми развеселилась.

– Вовсе нет!.. Есть границы твоей востимости. Не только твоей, – спохватилась она. – Моей тоже. Вообще – человеческой. Каждый из нас, кто живёт здесь, в Саду, может путешествовать по иномирию куда угодно, но никогда не сможет всюду побывать и всё понять. Весь смысл в человеке не поместится, только чувствуешь, что он глубже и глубже...

– А здесь, в Саду?..

– И здесь тоже столько разного, что целиком не охватить. Даже обойти весь Сад не надейся. Но он и сам по себе совершенно особый мир. Кто к этой его особости не готов, может даже не заметить его в просторах иномирья, так Сад и останется для него в заповедной глубине Тайны. Надо человеку дорасти до него, стать для него подходящим.

– Что значит подходящим?

– Не хочу пока говорить. Сам присмотришься, освоишься, в других мирах побываешь – вот и начнёшь постепенно понимать...

Но меня уже разбирало любопытство.

– Хотя пример какой-нибудь приведи.

– Привести пример можно, только без слов ты пока не поймёшь, а слова подбирать трудно.

– Ладно, ты же моя встречательница и проводительница, да и ответательницей быть не возражала... – постарайся, пожалуйста... – умоляюще сказал я. – Интересно ведь.

– Ну, сам напросился, – решила Ми, и некоторое время молчала. Потом заговорила немного нараспев: – Здесь каждый чувствует себя совершенно свободным, но без своеволия... Здесь каждый становится собой, но не заиклен на собственной персоне... Здесь каждый полон творческих сил, но без всякого тщеславия... Здесь каждый старается участвовать в Замысле... Всё, хватит с тебя! Думаешь легко словами выговаривать то, что внутри совершенно ясно?.. Ну, у тебя такие трудности ещё впереди.

Глава 2. Почему или зачем

Как бы это всё увязать...

Несмотря на увлекательный разговор с умной и острой на язычок встречательницей, несмотря на невероятный мир, открывающий всё новые удивительные свойства, меня не оставляла некоторая ошеломлённость. Слишком много впечатлений, слишком много размышлений, слишком много вопросов – даже для того, чтобы подобрать к ним слова...

Сейчас, когда я пишу об этом, легче передать свои тогдашние переживания. Но тогда был ошарашен...

Да, мне показалось, что я в раю. Однако не хватало каких-то подтверждений – скажем, райских врат, апостола Петра с ключами... Ну, хоть что-нибудь такое.

И почему Ми всё говорит о сказке? Неужели только потому, что определила меня исключительно как сказочника и приспосабливается к моему пониманию?

Пока всё-таки не очень понятно, умер я или всё-таки не умер, как намекает Ми. А если не умер – как, кто и когда будет меня возвращать обратно? Честно говоря, я был бы вовсе не против.

И почему я вообще здесь очутился? Вряд ли по ошибке, раз у меня персональная встречательница и проводительница. Но тогда почему?..

Не то чтобы меня это страшно беспокоило – всё-таки не напрасно всегда любил философствовать. Скорее, был как-то взбудоражен. И оставался настороже, потому что не мог пока увязать все впечатления друг с другом. Как перетряхнулось всё в голове при падении, так и здесь продолжалось перетраивание.

В земной жизни, когда читаешь всякие умные книги и пробуешь размышлять на темы мироустройства, легче воображать иные миры и жизнь после смерти. Теперь, среди странной и загадочной очевидности, не всегда сходились концы с концами. А новые впечатления продолжали наслаиваться друг на друга...

Прогулка без усталости

Нашу прогулку точнее было бы назвать путешествием... если бы она происходила на Земле. Но она происходила здесь, в удивительном Саду, полном Тайны.

Здесь не было непроходимых чащ. А всего остального было немерено.

Дружелюбные леса и гостеприимные рощи. Ручейки, ручьи и реки. Холмы и горы с водопадами. А когда я заметил ещё и парочку гейзеров, не смог удержаться:

– «Всюду звонкие вольные воды, реки, гейзеры, водопады...»

– «Распевают в полдень песнь свободы, ночью пламенеют, как лампы...» – охотно подхватила Ми.

– У вас тут тоже пламенеют? – осведомился я.

– Это же Гумилёв про звезду Венеру, а не про наш Сад, который в его стихотворение и не влез бы.

Я сдержанно проворчал:

– Хорошо, что Венера влезла...

– Да ладно, не обижайся за Гумилёва. Я тоже его стихи люблю. Но здесь ведь всё по-особому!.. Гляди, что покажу, – и Ми поманила меня в глубь леса.

Идя за ней, я вскоре почувствовал притягательный аромат. Мы вышли на полянку, где раскинулся громадный цветок, который мне был хорошо известен, хотя я никогда его не встре-

чал. Красные пятнистые лепестки вокруг уходящей внутрь сердцевины... вот только запах должен быть совсем другим – ужасным, а не прекрасным.

– Это здешняя раффлезия, – гордо сказала Ми. – Правда, замечательный аромат? Это она сама старается.

– Надо же! – удивился я. – Читал, что к ней порою в противогазе подходят: такой невыносимый запах... у нас, на Земле...

Нередко видели мы птиц и самых разных животных. Но я уже сам мог сообразить, что любое существо могло быть чьим-то любимцем – и потому попасть в этот сказочный Сад. А может быть, жило здесь изначально... Даже спрашивать ни к чему.

Впрочем, когда на глаза мне попался небольшой табун лошадей, которые паслись вдалеке на лужайке, я не выдержал:

– Это мустанги, Ми?

– Не-е-ет, это любимцы конников.

– Ты же говорила, что здесь нет толп и компаний.

– Это о людях... А лошадям нужно иногда в табун собираться, сам знаешь. Ты же много лет с лошадьми общался.

– Верно, – подтвердил я, не заботясь уже о том, откуда Ми это знает. И смущённо добавил: – Помню, конечно, что лошадь существо табунное. Подумал: вдруг здесь по-другому...

Перед высоченной горой Ми остановилась и предложила:

– Хочешь на вершину? Оттуда вид отличный... Вижу, что ты не против. На, держись за мою руку, потом сам научишься. Хочу пофорсить, пока ты на новеньких.

Мы взяли за руки – и взвились вверх!..

Это был необычный полёт: без всякого воздушного сопротивления, у Ми даже волосы не развивались. И скорость была такая, что правильнее было бы назвать наше перемещение телепортацией. Только что были внизу – и уже стоим наверху.

...А вид сверху был и в самом деле отличный – отличный от всего, что я когда-нибудь видел. Но описать его я не возьмусь. Он оказался в буквальном смысле слова неопишмым... Уж поверьте, что было *очень* красиво.

Спустившись таким же образом, мы отправились дальше и вскоре оказались на берегу моря. Оно составляло часть неопишмого вида сверху и простиралось в необозримую даль.

Тут из воды высунулся улыбающийся дельфин, и в голове у меня раздалось его жизне-радостное телепатическое восклицание:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.